

Призраки старой Франции

Мы прилетели в Париж в среду, за три дня до начала путешествия по Франции, потому что наши молодые друзья ещё были заняты на работе до субботы. Но давайте представимся: я, Игорь Бурдонов, и моя жена Кадрия из Москвы, Наташа из Томска и Хорхе из Гватемалы. Сейчас Наташа и Хорхе живут и работают в Париже, они снимают маленькую квартиру недалеко от площади Италии, и чтобы не стеснять их, мы остановились в отеле неподалеку – на площади Альп (*Place des Alpes*). По утрам я выходил покурить на эту маленькую площадь, смотрел, как проезжают автомобили и велосипедисты, проходят люди, держа в руках пакетики с круассанами из ближайшей булочной, как нервно курит китаец, тоже вышедший покурить из нашего отеля и что-то доказывающий по-китайски мобильному телефону, и любовался домом на углу улиц Стефана Пишона и Фагона.

Так появилась акварель № 1. Я ещё не привык к той бумаге, что купил накануне поездки, и у меня получились и площадь, и дерево в её центре, и дом на углу сильно размытыми. И только вернувшись в Москву и «погуглив», я с удивлением узнал, что в этом старом и солидном доме располагается публичный детский сад, а люди, которые по утрам образовывали что-то вроде очереди у входа, наверное, были родителями детей.

Мы с Кадриёй были в Париже уже четвёртый раз, поэтому не пошли ни в Лувр, ни в музей д'Орсе, а направились в центр Помпиду, где как раз проходила выставка работ Рене Магритта, бельгийского сюрреалиста. Увидели в числе прочего его знаменитую картину «Вероломство образов», где изображена курительная трубка с подписью «Это не трубка». Там же, в центре Помпиду, этажом ниже показывалась «Коллекция!» – выставка русского авангарда, дар от российских меценатов. Мы шли пешком, с утра было ветрено и холодно, а я оделся не по погоде, и, уже перейдя Сену, взмолился: «Давай срочно купим мне какой-нибудь шарф, а то простужусь». В ближайшем магазинчике купили первый попавшийся шарф, я завязал его на французский манер и так и проходил с ним почти всё время во Франции – с погодой нам в этот раз явно не повезло, хорошо хоть дождей не было. После музея ветер стих, солнышко припекало, и было приятно посидеть и покурить в скверике башни Сен-Жак (*Square de la Tour-Saint-Jacques*).

Так появилась акварель № 2. А следом за ней и № 3 – это когда мы переходили мост через Сену.

На следующий день с утра Кадрия заявила: «Хочу на Монмартр». От площади Альп далеко, но нам повезло: на ближайшей станции метро *Nationale* работали не только автоматы, но и люди, которые помогли нам купить двухдневные билеты на общественный транспорт Парижа. На Монмартре мы застали ярмарку вин и закусок. Взяли по бокалу вина, как оказалось его нам продали вместе с бокалами. Ну куда девать бокалы? Оставили на ближайшем столике, расстраиваясь, что переплатили: за эту цену в магазине можно было купить целую бутылку хорошего вина. Потом расстраивались, что не взяли бокалы с собой: пригодились бы в поездке распивать вино в номерах отелей. Ну, и, конечно, монмартрские художники, куда же без них. Впечатление они производили, а их картины не очень – у нас на Арбате или в Измайлово примерно то же самое. Но всё же атмосфера, толпа народа, история...

Так родилась акварель № 4.

Спустились на площадь Пигаль, сели в метро и поехали на Елисейские поля. Здесь было тихо, людей мало, скамейки пусты, здесь уже царилась осень в жёлто-красных тонах.

Это акварель № 5.

Кадрия уже хотела в отель отдохнуть, но я заявил: «Я тут вычитал в путеводителе, что Монмартр уже в 20-ых годах прошлого века уступил пальму первенства Монпарнасу как место тусовки парижской богемы. Хочу туда». И мы поехали на бульвар Монпарнас. Честно говоря, обычный парижский бульвар, но опять же – атмосфера, кафе, знаменитые своими посетителями-писателями, люди гуляют...

И я нарисовал акварель № 6. А рука сама потянулась к белой краске, чтобы добавить белый шарф на плечи господина в длинном пальто. Хотя, по правде говоря, у него не было никакого шарфа, тем более белого, но пусть это будет писатель – ему положено.

Вечером мы вместе с Наташей и Хорхе праздновали мой день рождения, ну, так получилось, что у меня был день рождения. К нам присоединились Марина, тоже из Москвы, поэтесса, но уже год живёт во Франции, и её муж Александр, кинодокументалист, который живёт в Париже давно. Александр сказал, что он десять лет прожил в районе площади Италии и всё тут знает. И повёл нас в китайский ресторанчик. Судя по количеству народа, заведение пользуется успехом. Выпили вина, поели палочками...

Никакой акварели я по этому поводу не нарисовал, а пишу, потому что вспомнить приятно.

В субботу мы с Кадриёй отправились в Большой дворец (*Grand Palais*) на выставку мексиканских художников. Я даже вздрогнул, услышав из динамиков русскую речь: показывали фильм Эйзенштейна «Да здравствует Мексика!». А после выставки, двигаясь к станции метро, оказались около *La Comedie Francaise*, где застали выступление уличных музыкантов, которые играли на духовых инструментах. Два колоритных продавца чего-то съестного и горячего улыбались и чуть-чуть приплясывали под музыку: наверное, им нравилось, что представление привлекают публику, которая может что-то купить и съесть.

Акварель № 7.

Вообще-то мы планировали отправиться в путешествие из Парижа с утра в субботу, но планы изменились, потому что у Наташи в субботу вечером была игра. Но тут, наверное, нужно лучше представить наших друзей. Дело было так. Сначала я познакомился с мамой Наташи, Ниной – доктором технических наук и профессором Томского университета. Это было деловое, научное знакомство, которое переросло в дружбу. Нина была оппонентом на защите моей докторской диссертации, потом я был оппонентом на защите кандидатской диссертации Наташи, а теперь Наташа уже написала докторскую, и я буду оппонентом на её защите в Томске. А с Хорхе из Гватемалы мы несколько раз виделись на разных научных конференциях. Больше года назад Хорхе и Наташа стали работать в Париже по контракту. Они сняли квартиру, купили машину, и как-то мы договорились провести вместе неделю отпуска в поездке по Франции на этой машине. А Наташа занимается волейболом, во Франции её приняли в команду, которая играет, как я понял, на пред-национальном уровне, потому что выше, на национальном уровне, этим уже нужно заниматься профессионально, ездить по всей Франции и т.д., что, конечно, плохо совмещается с работой по специальности. Итак, вечером у Наташи был волейбол, играли, как я понял, команды двух парижских предместий. Хорхе забрал нас из отеля, мы сидели в их квартире и ждали, когда пора будет ехать за Наташей после игры.

От нечего делать я нарисовал акварель № 8: вид из окна дома 34 по *Rue des peupliers*.

Когда мы приехали в предместье (забыл как называется), игра ещё продолжалась. Мы попали на сет, где «наши» проигрывали, и очень расстроились. Но потом был ещё один сет, «наши» выиграли, и оказалось, что выиграли весь матч. В прекрасном расположении духа мы сели в машину и отправились в Труа (*Troyes*) – столицу Шампани. Приехали уже ночью, так что просто легли спать после пары рюмок виски.

Название Труа производно от кельтского племени трикассов, в I веке до н.э. завоёван Юлием Цезарем, потом были нашествия гуннов и норманнов. С утра мы пошли гулять по Труа, выпили кофе за столиком около собора Сен-Реми, наблюдая на одноимённой площади тусовку собак и собачников, среди которых (собак:) не было двух одной породы. Полюбовались пламенеющей готикой базилики Святого Урбана, построенной в 13-ом веке на месте сапожной мастерской, в которой появился на свет будущий папа римский Урбан IV. А за полтора года до этого, в 1129-ом году в Труа состоялся церковный собор, одобрявший создание ордена тамплиеров. Потом мы наблюдали радугу над каналом (*Canal du Trevois*), соединяющим Сену с ней же самой. Обедали в ресторане за выносным столиком на какой-то маленькой улочке. Разумеется, продегустировали шампанского (всё-таки мы в Шампани!). Разглядывали фахверковые дома (это когда балки видны снаружи) на *Place Alexandre Israel*.

Акварель № 9.

И вот уже нам пора ехать дальше – в Лион.

В Лионе сливаются две реки: Рона и Сона. Около Роны как раз и был наш отель. Утром мы поехали в центр города, припарковались под площадью *Bellecour*, имя которой происходит от названия виноградника одного епископа, жившего в XII веке, и означает «красивый сад» – «*bella curtis*». Что несколько комично, поскольку эта площадь совершенно пуста, если не считать статуи Людовика XIV, и считается самой большой в Европе пешеходной площадью, свободной от каких-либо насаждений или строений.

Наш путь лежал на холм Фурвьер – *Fourvière* от латинского *Forum vetus* – Старый форум. Здесь когда-то был форум римского императора Траяна, а до этого... история несколько запутанная. Согласно трактату «О реках», приписываемому Плутарху, кельтские друид Момор и правитель Атепомар, повинувшись оракулу, основали на холме город, получивший имя Лугдун – Холм ворона или Холм света или Холм Луга – кельтского бога Солнца, что, впрочем, одно и то же, поскольку считалось, что Луг имеет облик ворона. А может быть, потому, что Момор, опытный в птицегадании, основал Лугдун, увидев воронов у горы. А может быть, Лугдунум основал в 43-ем году до н.э. Мунаций Планк, лейтенант Юлия Цезаря. Так или иначе, от этого Лугдуна или Лугдунума и произошло название города Лион. В 1168-ом году на месте римского форума основали церковь, которая сейчас называется Базилика Нотр-Дам-де-Фурвьер. Она будто парит большим белым вороном над всем Лионом, который виден с холма как на ладони, а сама она видна снизу из любой точки города.

Это акварель № 10.

Но до того, как я стал её рисовать, нужно было подкрепиться, что мы и сделали в одном из бушонов. Так называются сертифицированные рестораны традиционной лионской кухни, которые должны удовлетворять 25 критериям и которые можно найти только в Лионе. Крышка, которая навинчивается на горловину тубы, официально называется бушон, французы же, похоже, имеют в виду любую пробку для бутылки, по одной из версий бушоном назывался пучок соломы, которым затыкали бутылки – хотя я, убей бог, не понимаю, как соломой заткнуть бутылку! – а ещё такой пучок вешали вместо вывески, а кто-то считает, что пучком соломы обтирали лошадей после долгой дороги и перед сытным обедом. В общем, дело тёмное, зато достоверно известно, откуда взялись такие рестораны. Лион – город ткачей, и в XVII-XVIII веках рабочие шёлковых фабрик, устав от тяжёлой работы, должны были как следует поесть, для чего лучше всего подходила простая, но сытная деревенская пища. В отличие изысканной французской *Nouvelle cuisine* («новой кухни») с деликатной подачей блюд, в бушоне вас ожидают блюда попроще, с большим количеством мяса.

И уже на следующий день... да, у нас получилась поездка, где в каждом городе мы ночевали одну ночь, а на следующий день снова отправлялись в путь. Ещё когда мы планировали маршрут, Наташа спрашивала, не тяжело ли нам будет по 4-5 часов проводить в дороге? Может быть, что-то пропустить? Но мы ничего не хотели пропускать! И я ответил: если водители не возражают, но нам, пассажирам, тем более ничего не страшно.

Итак, на следующий день мы поехали в Мутье-сен-Мари (*Moustiers-Sainte-Marie*). Мы там уже были два года назад, но нам хотелось, чтобы Наташа и Хорхе тоже увидели этот чудный провансальский (или прованский – я так и не разобрался, как правильно, и вполне ли это синонимы) городок. Уже поздно вечером мы подъехали к нашему отелю рядом с городом. Девушка с ресепшена уже ушла, оставив нам записку и открытые номера с ключами на столах. Но вот проблема: хотя в бушоне мы хорошо пообедали, но прошло уже много времени и не мешало бы поужинать. Пока мы с Кадриёй обустроивались в номере и готовили чай, Наташа с Хорхе поехали в город раздобыть чего-нибудь съестного. Как бы не так! Все заведения уже были закрыты, кроме одного, в котором посетители сидели за столами без какого-либо намёка на еду. А на просьбу продать хотя бы багет, последовал ошеломительный ответ: «Ничего нет! Всё съели, даже нашим постояльцам не хватило, они только пьют». От голодной смерти нас спасли последняя пара пакетов чипсов из автомата и паштет, который Наташа купила не то в Лионе, не то в Труа.

Утром у Хорхе аудио-конференция с коллегами по работе. Поэтому у меня выдаётся целый час на то, чтобы нарисовать акварель № 11: ничего особенного – вид из окна номера.

Потом едем в город. Он уже проснулся и ожил. Вообще-то, это скорее деревня – 710 жителей по данным 2008-ого года. Хотя и признанная «самой красивой деревней» французской ассоциацией самых красивых деревень, призванной рекламировать и поддерживать живописные места с населением до 2000 человек. Но как-то язык не поворачивается сказать «деревня»: по российским меркам деревня – это что-то деревянное, и в ней не бывает мишленовских ресторанов, а в Мустье такой есть!

Мы поднимаемся на гору к часовне Нотр-Дам-де-Бовур (*Notre Dame de Beauvoir*). Дорога размечена четырнадцатью станциями крестного пути. Над часовней, на высоте 200 метров, уже много лет висит на цепи золотая звезда. Согласно легенде, которую рассказал всему миру поэт Фредерик Мистраль, звезду поклялся повесить над родной деревней плененный сарацинами рыцарь, живший в X веке, если ему удастся вернуться домой. Звезду меняли двенадцать раз, нынешняя висит уже полвека, её диаметр больше метра, а длина цепи 135 метров. Спустившись вниз, обедаем в ресторанчике (не мишленовском, тот закрыт) на берегу речки, которая сбегает с горы, образуя каскад водопадов, и через которую переброшено несколько мостиков по всему городку.

Однако пора ехать дальше. Мутье-сен-Мари находится рядом с Вердонским ущельем. В триасовый период (200 млн. лет назад) на территории Прованса было море, которое оставило толстые известковые слои. Через 50 млн. лет нижний Прованс стал подниматься, море отступило, но образовались гигантские трещины, в том числе – Вердонское ущелье. Его длина 25 км, а глубина достигает 700 метров. Внизу протекает ярко-синяя река Вердон, которая после выхода из ущелья образует искусственное, но очень красивое озеро Сент-Круа-дю-Вердон (*Sainte-Croix-du-Verdon*).

Акварель № 12.

А впереди нас ждал Тулон, а в Тулоне нас ожидала встреча ещё с одной Наташей, тоже сибирячкой – родом из Новосибирска. Мы познакомились с ней в 2013-ом году, когда путешествовали в Лангедоке по стране катаров. Кто забыл, катары – это такие христианские еретики в XII-XIII веках, ну, те, кого очень любили в Лангедоке, особенно, в Тулузе, Фуа и Каркассоне, да и во всей Окситании (от Испании до Италии) и очень не любили в Риме, ради кого была создана инквизиция, кого сжигали на кострах, против кого были направлены альбигойские войны.

Это было волшебное путешествие: мы шли пешком по горам и долам, поднимались в катарские крепости (*Château de ...*) от Керибюса до Монсегюра, пока наши чемоданы перевозили на автомобиле от одного глухого городишки (ну, типа деревни) до другого. Наташу для нас нашла туристическая фирма как переводчицу: в таких глухих местах английский бы нас не спас, тем более, что и им-то мы владели хуже некуда. Мы подружились и вот, наконец, представился случай снова увидеться.

Сначала мы погуляли совсем немного по Тулону, уже вечерело. Акварель № 13.

А вечером подъехал муж Наташи, которого звали Себастьян и который, понятное дело, был французом. Мы подъехали к берегу моря, потрогали воду и обосновались в рыбном ресторанчике у края пляжа. Наташа (та, что из Новосибирска, ну, в смысле теперь из Тулона) переживала, что её мужу будет трудно, если мы все не говорим по-французски или хотя бы по-английски. Напрасно она волновалась! Себастьян оказался тоже связанным с чем-то околокомпьютерным и между ним, Хорхе и Наташей (той, что из Томска, ну, в смысле теперь из Парижа) завязался оживлённый разговор на смеси французского с английским. Я в нём участия не принимал, отчасти по незнанию языков, а отчасти потому что был в отпуске, отдыхал и наслаждался едой и вином.

Ну, а с утра, как уже нетрудно догадаться, мы снова отправились в путь – в страну катаров! По дороге до места назначения я всё же завопил: «Мы должны непременно подняться хоть на одну гору, хоть к одной катарской крепости!» Меня послушались. Это была крепость Керибюс (*Château de Quéribus*), наша первая крепость в 2013-ом году и, увы, единственная в этом путешествии. Погода не слишком благоприятствовала, уже темнело и мы едва успели до дождя. Зато наверху, на продуваемой всеми ветрами площадке, над нами было только небо! И Хорхе кричал: «Я чувствую себя королём!» Ну, это, наверное, от избытка кислорода.

Акварель № 14.

Несмотря на Керибюс, мы всё же успели к ужину, даже к аперитиву. И вот мы ещё в одной деревушке – Кюбьер-сюр-Синобль (*Cubières-sur-Cinoble*). Ну, это уж точно деревня: 94 человека по состоянию на 2008 год. Маленький семейный отель по адресу *4 rue de la mairie* так и называется «*Accueil au Village*» – «*Приём в деревне*». Здесь мы останавливались в 2014-ом году, когда второй раз попали в страну катаров и таки «покорили» оставшиеся непокорёнными в 2013-ом году катарские крепости. Нас ждали очаровательная Франсуаз и её молчаливый нормандский муж Марко. Марко превосходный повар и основное время проводит на кухне, а Франсуаз

принимает гостей, ведёт бухгалтерию и всё такое прочее. В отеле всего несколько комнат, вместо номеров – названия цветов. Мы с Кадриёй останавливаемся, как и в прошлый раз, в *Камелиях*, а Наташа с Хорхе – в *Орхидеях*.

Акварели № 15 и № 16. Честно говоря, я нарисовал их ещё в Москве, перед поездкой, чтобы подарить Франсуаз. Почему две? Сначала я нарисовал № 15, но она мне показалась недостаточно... свободной, и я нарисовал ещё одну. А вот теперь и не знаю, какая лучше. Подарил обе. Кажется, Франсуаз была довольна.

Прошлый раз Франсуаз основательно подготовилась к приёму гостей из России, ни бельмеса не понимавших по-французски. Установила на своём планшете программу-переводчик: так мы и общались. Но, прощаясь, обещали к следующему разу учить французский. Кадрия выполнила обещание: она уже кое-что понимает, хотя и боится говорить. Зато у нас были Хорхе и Наташа, которые свободно болтали по-французски за общим столом. Кроме нас и Франсуаз, были ещё две француженки из Парижа и один ирландец, художник, который уже несколько лет живёт в этой деревне, хотя, похоже, предпочитает разговаривать по-английски, благо, что Наташе с Хорхе так даже лучше. Ну, и я чего-то ему пару раз сказал, календарь с репродукциями картин, который он сделал, похвалил: правда, хороший. А когда остались только мы четверо и хозяйева, Франсуаз предложила покурить прямо тут, за столом. Всё-таки, семейный отель имеет преимущества. Французы любят покурить, но в других местах, если это не дома, приходится делать это на улице, ну, ещё в кафе, барах и ресторанах за столиками под навесом, где уже начали включать обогреватели: чтобы и на улице, т.е. курить можно, и не холодно.

Кстати, я забыл рассказать, на каком языке мы общались в пути. Понятное дело, что трое из четырёх могли разговаривать по-русски, что мы часто и делали. Когда надо, Наташа переводила Хорхе наши слова, а его слова – нам. Иногда я пытался выдать из себя пару фраз по-английски, а Кадрия добавляла что-то по-французски. Но Хорхе, на самом деле, уже кое-что понимает по-русски и говорить тоже может. Что и неудивительно: он был в России уже 13 раз! Да и Наташа помогает. Но что ему даётся с трудом, так это наши бесконечно меняющиеся окончания и вообще перемены букв в словах. Все эти «-ой», «-ая», «ые». Ну, почему, взывал он, лечь на кровать, лежать на кровати, а искать под кроватью! С ума можно сойти! А и правда, как это мы в детстве выучили такой трудный язык?

Утром облака сползают с близких гор и местами заслоняют дорогу. На пару минут останавливаемся у горы Бюгараш при въезде в городок Бюгараш

(или деревушку – 200 человек). Это место знаменито: 21 декабря 2012 года, в последний день 5125-годового календаря майя, полагалось забраться на гору и ждать там конца света. Дело в том, что Бюгараш имеет необычную форму: геологи говорят, что вскоре после формирования горы мощный взрыв оторвал и подбросил её вершину, которая приземлилась обратно в перевёрнутом состоянии. Инопланетяне устроили на горе свою базу НЛО, чтобы забрать с собой поднявшихся туда людей и покинуть Землю во время всемирной катастрофы. Но сегодня уже 2016-ый и по горе Бюгараш двигаются только белые облака.

Пожалуй, я добавлю ещё одну акварель № 17, хотя она и сделана раньше, в 2013-ом году.

Бордо мы смотрели уже вечером, хотя нам так и сказала случайно встретившаяся русская пара (а может быть, русской была только мадам, а месье был француз): Бордо лучше смотреть вечером, когда зажигаются все огни. Прогулялись по набережной Гаронны, поужинали в ресторане и, конечно, пили Бордо.

Тут я уже, наверное, устал и больше акварелей не рисовал. Да и вы, наверное, устали читать меня, так что закончу коротко.

Оказалось, что Наташе срочно нужно в Париж получить какую-то бюрократическую бумажку, без которой она не могла лететь в Австрию на конференцию, и которая пришла только сейчас, в самый последний момент (французы большие бюрократы). Сегодня пятница, завтра всё закрыто, а лететь в воскресенье. Наташа уехала в Париж ранним утром скоростным поездом, а мы с Хорхе покатали по шоссе через провинцию Коньяк. Ехали долго, останавливаясь только чтобы заплатить за платную дорогу. Нужно сказать, что во Франции, особенно на юге, почти все скоростные дороги платные, на каждом пункте оплаты мы даже играли в игру: кто угадает, сколько надо заплатить на этот раз?

Пока мы ехали, Наташа успела сделать свои дела и вернуться на поезде в Блуа, где нас и поджидала. Мы побродили с аудиогидом по королевскому замку (*château de Blois*), пообедали в ресторанчике. Наташа здесь уже была раньше и улыбочивая официантка её узнала: прошлый раз она попросила Наташу написать ей несколько русских слов и выражений, чтобы обслуживать русских туристов, как обычно, не изъяснявшихся на французском.

Ещё один отель в Париже, на одну ночь, а утром – в аэропорт Шарль де Голль и – в Шереметьево, Москву.

Наверное, здесь нужно подвести какой-то итог, как вы считаете? Но если вы устали читать, то я устал писать, так что закончу просто стихами, написанными во Франции. Стихотворение про катаров – из 2013-го года, а остальные – из нынешнего, 2016-го. Ах, да – вот ещё фотка, где вы можете увидеть наши улыбающиеся рожицы на вершине *Château de Quéribus*, где выше только небо.

Всё-таки Франция удивительная страна, помнящая своё «родство». Вот как можно быть такой современной и так бережно сохраняющей все эти булыжные мостовые, узенькие улочки, черепичные крыши, вообще, все эти городишки-деревеньки, старинные дома, внутри которых, тем не менее, комфортно по меркам не какого-то средневековья, а XXI века. А эти столики, прижимающиеся к стене дома, с непременно чашкой кофе, бокалом вина или кружкой пива, ах, да, ещё и с пепельницей. Я, конечно, понимаю, что улыбчивость западных людей обманчива, но почему-то хочется думать, что французы улыбаются искренне, и ловишь себя на том, что не успеваешь отвечать на все эти бесконечные «бонжур, месье», «мерси, месье». Не знаю, что ждёт Францию в будущем, но прошлое её кажется чарующим. И, подрёмывая в машине, летящей по автомагистрали в сумерках, в шуме мотора и шуршании шин начинают чудиться то стук копыт гарцующих лошадей, то звон скрежывающихся шпаг, то звуки скрипки или колёсной лиры, то боевые кличи рыцарей, то песни трубадуров, то какие-то совсем уже непонятные призраки. И всё это под убаюкивающий ритм: ок - ок - ок, – ведь «Лангедок» означает «язык ок»: в лангедокском диалекте окситанского языка говорят не «уи», а «ок». Может быть, что-то вроде «ага» вместо «да»? Но это я уже фантазирую...

5-15 октября 2016